

УДК 1 (140): 7.01
ББК 87.8:85.1(2)

ВЛАСТЬ И РИТУАЛ: ЭСТЕТИКА ОБРЯДА ВЕНЧАНИЯ НА ЦАРСТВО В ТРАКТОВКЕ Н.Ф. ФЕДОРОВА¹

Е.М. ТИТАРЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., д.11, г. Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация
E-mail: titem@mail.ru

Рассматривается семиозис обряда венчания на царство в «Философии общего дела» Николая Федоровича Федорова. Эта проблема еще не была предметом специального исследования, вместе с тем ее решение позволяет приблизиться к пониманию онтологии федоровского проекта эстетического супраморализма. Анализируются его философские сочинения «Самодержавие», «Эстетический супраморализм», «Пасха в Кремле с коронацией», «К росписи стен Кремля», «О памятнике Александру III...», «К предстоящей коронации». Определяются особенности интерпретации знаковой системы коронационного ритуала в контексте эстетики супраморализма. Показана связь проективного образа коронации с государственным и социальным идеалом, который сложился в христианском универсализме Федорова. Проведено сравнение федоровского проекта обряда венчания на царство с ритуалом коронации в церемониальной культуре Российской империи. Раскрывается понимание Федоровым символизма императорских регалий и значение включения им в ритуал древнего византийского обряда акакии. Исследование образов пространства и времени в трактовке Федорова позволило увидеть литургические основания эстетики его проекта. Показано значение толковательного и проективного экфрасиса в процессе интерпретации Федоровым монументальных произведений изобразительного искусства, выражающих эстетическое и дидактическое содержание коронационного обряда.

Ключевые слова: философия Н.Ф. Федорова, супраморализм, эстетика обряда венчания на царство, христианский государственный идеал, теургия, императорские регалии, акакия, сакральное пространство, семиозис, проективный экфрасис

REIGN AND RITUAL: CROWNING OF THE TSARAESTHETICS IN THE INTERPRETATION OF N.F. FYODOROV

E.M. TITARENKO

Saint Petersburg State University,
11, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: titem@mail.ru

The article is dedicated to the semiosis of the tsar's crowning ritual in Nikolay Fyodorovich Fyodorov's «Philosophy of the Common Task». This problem has never been an object of a special research but it helps to get closer to the understanding of ontology of Fyodorov's aesthetic supramoralism project. His philosophical works «Monarchy», «Aesthetic Supramoralism», «Easter in the Kremlin with Coronation», «About the Kremlin Walls Paintings», «About the Monument to Alexander III...», «For the Forthcoming Coronation» are analyzed in the article. The interpretation particularities of the

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 18-011-00953 по теме: «Н.Ф. Федоров. Энциклопедия с онлайн версией».

coronation ritual semiotic system in the context of supramoralism aesthetics are defined. The projective connection of the coronation with governmental social ideal is shown in the article, this ideal was formed in Fyodorov's Christian universalism. The comparison is made between Fyodorov's project of the tsar's crowning ritual and coronation in the Russian Empire ceremonial culture. Fyodorov's understanding of the emperor's regalia symbolism and meaning of the ancient Byzantine acacius ritual inclusion are disclosed in the article. The analysis of time and space images in Fyodorov's interpretation allowed seeing liturgic basis of his project aesthetics. The importance of the explanatory and projective ephrasis is demonstrated in the process of Fyodorov's interpretation of the monumental visual art that express aesthetic and didactic meaning of the crowning ritual.

Key words: *philosophy of N.F. Fyodorov, supramoralism, aesthetics of crowning of the tsar, Christian governmental ideal, theurgy, emperor's regalia, acacius, sacred space, semiosis, projective ephrasis*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.2.178-190

«Православный люд привык с благоговением относиться к особе своего Царя, и в этом нельзя не усмотреть проявления воли Божией»². Это суждение П.П. Пятницкого, с которого начинаются его очерки о венчании русских царей на царство, дает основание для различного рода интерпретаций, одна из которых приводится в сочинениях Н.Ф. Федорова. Его философское учение стало значительным явлением христианского универсализма, выводящим размышления о пути и судьбе России из тесного пространства спора между западниками и славянофилами в сферу эсхатологии с открывающимися горизонтами христологического взгляда на человека и историю человечества. Острота и всеохватный синтетизм федоровского супраморализма привлекали особое внимание русских мыслителей в XX веке. Теургическое беспокойство, характерное для русской философии, «нашло в Федорове, – по словам В.В. Зеньковского, – свое высокое выражение, свое, можно сказать, завершение»³.

В основе проективных идей мыслителя, указывающих на путь спасения как соединения творческих усилий человека, лежит христианская вера. Он был близок к пониманию творения как ипостасного кенотического акта Бога. «В современном же православном богословии, – отмечает иеромонах Мефодий (Зинковский), – кенозис рассматривается как важнейшее божественное свойство, характерное для бытия Лиц Святой Троицы»⁴. Проективная философия Федорова представляет собой попытку поиска согласия и соборности в богочеловеческом пути, синергичном участии христиан в осуществлении Божественного плана спасения мира. Творчество – «рекреатура», воссоздание преображенным человечеством мира в его совершенном состоянии, воплощающем

² См.: Пятницкий П.П. Сказание о венчании на царство Русских Царей и императоров / сост. П.П. Пятницкий. М.: Типо-литография О.И. Лашкевич и К, 1896. С. 1 [1].

³ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. 2 изд. Paris: YMCA-press, 1989. С. 132 [2].

⁴ См.: Зинковский С.А. (Мефодий, иером.). Кенотичность как ипостасное или личностное свойство // Актуальные вопросы церковной науки: научный журнал. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2019. №2. С. 219 [3].

Царство Божие на земле. Это конечный идеал федоровского учения, основывающийся на вере в преодоление смерти и воскрешение всех живших. Трактую апокалиптические пророчества как дидактическое наставление, Федоров на этом основании создает свой проект эстетического супраморализма, видя в воскресительном долге детей перед отцами источник искусства. Из указанного исходного принципа теoантропоургической эстетики его «Философии общего дела» следовали представления о «птолемеевском» и «коперниканском» искусстве как искусстве подобий и искусстве действительности, о сущности красоты как воплощении божественной воли и замысла мироустройства. Антиномия прекрасного и безобразного в эстетике Федорова приобретает вид противоречия, заключенного в самой природе мира. Прекрасное – Бог, Троиединство; безобразное – природа и человек, отпавшие от Бога, обреченные на разрушение и смерть. Достижение абсолютной красоты – конечный идеал, видимый в проекции ценностных установок супраморализма.

Эти идеи определяли взгляд мыслителя на императорскую власть и выразительные стороны ритуала, утверждавшего не только легитимность, но и сакральный смысл самодержавия. Речь идет о федоровском понимании сущности самодержавия, его сакральной миссии. Здесь соединяются религиозные, историко-философские, социально-политические, эстетические воззрения мыслителя, и в этом состоит причина его исключительного внимания к коронации как сакральному и важнейшему событию жизни Российской империи. Выявление особенностей трактовки Федоровым выразительной и символической стороны обряда венчания на царство еще не стало предметом специального рассмотрения, поэтому исследование этой проблемы даст возможность приблизиться к пониманию онтологии федоровского проекта эстетического супраморализма.

Апология самодержавия – так можно определить позицию Федорова в отношении к власти царя. Во многих его статьях и заметках затрагивается эта тема: «Регуляция внутренняя и внешняя с эстетической стороны, или в чем состоит блаженство. Пасха в Кремле» (1896 г.), «Пасха в Кремле с коронацией» (1896 г.), «К Пасхе в Кремле с коронацией» (1896 г.) и др. В своей основополагающей работе «Самодержавие», написанной во второй половине 1890-х годов и развивающей идеи главного сочинения Федорова «Вопрос о братстве, или родстве... Записка от неученых к ученым», образ царской власти предстает в свете учения супраморализма средством объединения человечества по образу Пресвятой Троицы. Мыслитель основывается на представлении об идеальной, должной власти, ставшей «орудием Бога-отцов», средством «исполнения воли *Животворящей* Троицы»⁵. В эпоху нарастающей секуляризации он обращается к христианскому государственному идеалу, сложившемуся в Византии и воспринятому крещеной Русью и Российской империей, полагая необходимым следовать этому идеалу, принимая сакральный смысл самодержавия, выражае-

⁵ См.: Федоров Н.Ф. Самодержавие // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновы. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 19 [4].

мый священнодействием венчания на царство. «Венчание на царство, или коронационный акт, – пишет он, – есть возведение самодержавия в священное, христианское, нравственное, словом, в родственное дело, есть, так сказать, религиозизация самодержавия в эпоху всеобщей секуляризации, в эпоху возвращения к язычеству» [4, с. 27]. В этой связи столь важным для Федорова оказывается рассмотрение всей системы ритуала как определенным образом оформленного действия, утверждающего величие императора, призвание его к правлению Божественным Провидением. Духом этой идеи пронизаны, как считал Г.А. Острогорский, «обряды императорского придворного церемониала, особое значение которым придает изобилие символов с сакральной фигурой императора»⁶. В трактовке этого ритуала Федоров обращается к христианской традиции, сложившейся в Византии, переосмысляя ее в свете понимания императорской власти как путеводительства в примирении всех народов, всеобщем объединении, осознании братства и родства всех в едином деле воскрешения. Он подчеркивал: «*Самодержец*, как стоящий в отцов-место, в венчании на царство получает от Бога-отцов, Бога Триединого, высшее освящение, делается орудием Божественной воли, чтобы руководить делом всех сынов человеческих, т.е. сынов всех умерших отцов, переживших своих отцов и даже повинных в их вытеснении, в их смерти, чтобы руководить их в деле отеческом, объединяя самих сынов в этом деле по образу Бога Триединого» [4, с.14]. В фокусе внимания мыслителя было переживание священного, связанного с эстетически и символически оформленными действиями, составляющими коронационный ритуал. В федоровском понимании ритуала коронавания видится идеологема иконичности, определяющая эстетику обрядового действия как «живой иконы», наглядного, символического изображения, «симфонии» между Церковью и властью в соборном действии воскрешения.

По замыслу Федорова, таким элементом мог бы стать обряд акакии. «Это освящение, или посвящение самодержца на руководство сынами в деле отеческом, – писал он, – выражается не в исповедании лишь веры, а главным образом в *акакии*, этой самой существенной части коронационного акта, которая в настоящее время заменена, по словам Горского, поклонением коронуящегося предкам в Архангельском соборе, почему и требуется, не оставляя поклонения предкам, восстановить акакию...» [4, с. 14]. Поклонение гробам предков как замену византийской акакии воспринимали многие историки, сопоставляющие греческий чин венчания с обрядом, принятым у русских князей⁷. Рассуждения Федорова о необходимости введения древнего ритуала, которому следовали византийские базилиевсы, в чин венчания на царство российских императоров отражали не только стремление указать на духовное преем-

⁶ См.: Острогорский Г.А. Византийский император и иерархическое мироустройство // Русско-Византийский вестник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2018. № 1. С. 17 [5].

⁷ О тождестве «нравственного значения» этих обычаев свидетельствует С.П. Бартев, большой знаток отечественной истории и архитектуры Московского Кремля (см.: Бартев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Т. 2 / сост. С.П. Бартев. М.: Русский импульс, 2011. С. 93 [6]).

ство второго и третьего Рима. Проективная эстетика супраморализма нуждалась в обретении символического образа, наглядно выражающего идею активного христианства, соединяющего веру и дело.

Таким символически-иконическим действием, следуя замыслу проекта эстетического супраморализма, Федоров полагал коронационный обряд *акакии*, упоминаемый и изъясняемый Симеоном Солунским, к свидетельству которого обращается А.В. Горский. «Архиепископ солунский Симеон, – писал он, – кроме других отличий царского достоинства, которыми украшается помазуемый царь, упоминает еще об акакии, или о шелковом платке с землею, который был возлагается при короновании в левую руку государя, в напоминание о тленности земного величия» [7, с. 13]. В исторических очерках рассказывается также об имевшем место в Византии обычае подносить императору сосуд, наполненный человеческими костями, и сжигать при этом клочок льняной ткани в момент наивысшего ликования, когда венценосный избранник Божий после обряда венчания выходит под приветственные возгласы к народу⁸. Напоминанием о тленности и смерти в пик торжества венчания перед одариванием народа эпикомвией (тряпичными свертками, содержащими три золотые монеты, три серебряные и три оболы, которые разбрасывали народу, окружавшему дворец) было явление перед императором «мраморниц и гробоздателей», когда «принесшие показывают ему мраморы и камни от различных лиц, и внидут к нему и глаголют, которым лицом велит бысти держава твоя, гробу твоему»⁹.

О толковании этих обрядов как напоминания о скоротечности земного могущества, о царском служении как пути к личному спасению Федоров знал, но в понимании сути акакии он следовал изъяснению таинств последователя Григория Паламы – святителя Симеона Солунского, который утверждал: «И цари, помазуясь вторично, делаются помазанниками Господними и являются вожжами благочестивых» [10, с. 47]. Миропомазание – кульминация русского обряда царского венчания. Оно совершалось во время литургии, начинающейся после возложения на монарха регалий. Миропомазание наделяет царя сакральной харизмой, умаляет прежде обретенные грехи, осеняет премудростью и красотой. Этот важнейший момент чина венчания Федоров трактует в контексте эстетики супраморализма, видя красоту ритуала в выражении хриstopодобия царя. Он пишет: «Самодержец и помазывается для осуществления проекта, во Святой Троице заповеданного» [4, с. 38]. Обращаясь к византийским истокам чина венчания на царство, Федоров оказывается верным идее исторической преемственности обычая. Российская императорская церемониальная культура, основываясь на православной византийской литургической и государственной

⁸ См. кн.: История Российской монархии. Венчание на царство. Коронационный ритуал. М.: Эксмо, 2011. С. 12 [8].

⁹ Так свидетельствует об этом коронационном обычае в своем «хождении» в Царьград в 1389 году «О венчании Мануила царя на царство» московский патриарх Пимен // Русский временник, сиречь Летописец, содержащий российскую историю от 862 до 1681 лета. Ч. I. М.: Синодальная типография, 1820. С. 315 [9].

обрядовой традиции, следовала этому обычаю, допуская изменения в ритуале, которые, как правило, отражались в описаниях коронационных торжеств¹⁰.

В проективной трактовке Федоровым коронационного ритуала возвращение акакии можно считать завершением реконструкции константинопольского сценария обряда для его воспроизведения в священном пространстве Московского Кремля. Этот проект демонстрирует следование инварианту, характеризующему историю церковного посвящения на царство русских князей и государей. Неизменным в меняющемся историческом контексте остается принятие византийского образца как формы или канона венчального священнодействия, что нашло отражение в представлениях об этапах становления ритуала. Н. Белозерская замечала, что «императорское венчание не внесло никаких существенных добавлений в церковном чиноположении» [12, с. 7].

Федоровский проект чина венчания на царство содержал существенные дополнения к принятому в императорской России обряду. Проект, не оставляя идеи преемственности власти российских государей от византийских императоров, менял смысловые акценты древнего ритуала и был основан на обращении к духовному и эстетическому опыту Византии. Федоров не принимал византизм в его формальном, стилистическом выражении как моды, выражающейся в заимствовании элементов стиля, их использовании в эклектическом ретроспективизме «историзма» или модерна. В универсалистской эстетике Федорова идея единства истины, добра и красоты последовательно проведена. Эти неделимые «три свойства Бога и человека» представлялись основанием богочеловеческого пути и Царствия Божьего на земле¹¹.

Позицию мыслителя отличает особое внимание к истории возникновения символических образов и к их знаковой системе. Это позволяет расширить границы интерпретации, дает возможность более глубокого понимания смыслов, открывающихся при восприятии образов. Подобная трактовка частей обряда венчания на царство просматривается в суждениях Федорова о происхождении акакии. Об этом же сообщают обращения Федорова к объяснению значения императорских регалий. Обоснование необходимости введения акакии в чин венчания содержит не только идею актуализации духовного и церемониального наследия византийской империи, но и напоминание о древнем обычае, имеющем дохристианские корни и бытующем в народной жизни. Единство смысла части византийской церемонии венчания на царство и русского крестьянского обычая, называемого Федоровым «крестьянской акакией», доказывает, по его мнению, органичность принятия акакии в обряде венчания на царство российских императоров. «Есть, можно сказать, – пишет он, – две акакии – императорская и крестьянская, одна другую поясняющие; крестьянская акакия выра-

¹⁰ См.: Попов К.М. Чин священного коронования. Исторический очерк образования чина // Богословский вестник. Сергиев Посад: Московская Духовная Академия, 1896. С. 72 [11].

¹¹ См.: Федоров Н.Ф. Дополнение к статье «Музей» // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновы. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 437 [13].

жается в обычае брать с собою при перенесении горсть земли с могил отцов, т.е. прах предков. <...> Императорская акакия – двойная: постоянная в Державе, употребляемой во всяких торжественных случаях, и другая – временная, употребляемая во время коронации» [4, с. 32]. В такой интерпретации акакия предстает символом, выражающим родство, связь с предками, первородный грех, страдание и смерть, искупление и всеобщее дело исполнения долга воскрешения, предводителем которого является помазанный самодержец.

Эстетика коронационного обряда предполагала создание выразительных форм, возвышающих и украшающих императора в сакральном действе венчания на царство. Инсигнии (украшения), драгоценности империи, регалии, являющиеся знаком власти, могущества, высочайшего статуса, выполняли эту роль. Именно этой стороне инсигний нередко уделялось большее внимание хроникеров и историков, пишущих о коронации, чем пояснению символики этих знаков царского достоинства. Так, в описании венчания на царство императора Александра III (15мая 1883 г.) находим подробное изложение сведений о размерах порфиры, весе и стоимости знаменитого бриллианта «Орлов», венчающего скипетр, о шпинели, украшающей корону, изготовленную Ж. Позье к коронации Екатерины II, об истории создания регалий и множество других фактов, указывающих на роскошь и великолепие драгоценных коронационных предметов¹².

Этот аспект эстетики обряда Федоров не затрагивает. Его увлекает символическая и поучительная сторона коронационных регалий и главное – возможность введения в чин венчания на царство акакии, что означало бы изменение состава императорских инсигний. В коронационные символы должен быть, по его убеждению, включен платок, наполненный землей. Этот предмет, столь же сакральный, как корона, скипетр, держава, порфиры, коронационные знаки ордена Св. Андрея Первозванного, государственная церемониальная печать, государственный меч, государственное знамя, трон, по замыслу Федорова, коренным образом трансформировал бы смысловое пространство ритуала коронации. Очевидно, что эстетическая выразительность горсти праха в левой руке коронуемого, считает мыслитель, превосходила своим символическим значением красоту и великолепие работ ювелиров, создававших драгоценный ансамбль царских регалий. В трактовке Федорова, держава, в которую помещалась земля как «прах отцов», символизировала власть, данную Богом на царствование, правление от имени не только живых, но и предков разных народов, вошедших в состав Российской империи. Так же, как царский титул, эта регалия выражала «умиротворение или собирание земель и народов» и напоминала не о смерти, а о воскресении¹³. Коронационное «яблоко», держава, золотой шар, украшенный драгоценными камнями и увенчанный крестом, в интерпре-

¹² См.: Пятницкий П.П. Сказание о венчании на царство Русских Царей и императоров. С. 76.

¹³ См.: Федоров Н.Ф. К предстоящей коронации // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновой. М.: Традиция, 1997. С. 156 [14].

тации Федорова оказывается символом, близким по своему значению к символу воскресения «Кресту Животворящего древа». Эта святыня, по легенде входящая в состав даров императора Константина Мономаха, со времени венчания на царство Ивана IV в 1547 г. стала частью царских инсигний. С наперстного возложения на царя креста из Животворящего Древа начиналось восхождение царя на престол¹⁴. В переносе регалий Константином Мономахом и Владимиром Мономахом на север Федоров видел символический смысл, указывая в статье «Внутренняя роспись храма», что он заключается в том, чтобы «придать тому месту, где они водворятся, значение 3-го Рима ... т.е. значение нового объединения, самого глубокого, так как 4-му Риму не быть, значение Царства Божия...» [16, с. 476].

Образ древней столицы и сакрального пространства Московского Кремля является важнейшей темой семиозиса царской власти в эстетике супраморализма. Слова Императора Александра III «Москва – храм России, а Кремль – алтарь этого храма» стали эпитафией к статьям мыслителя¹⁵. Он глубоко верил в сакральное значение Кремля, знал его историю и видел в нем пространство главного события жизни империи – совершения коронационного обряда. Кремль являлся духовной столицей православного государства, средоточием священных реликвий, чудотворных икон, храмов. Стены Кремля обнимали около сотни престолов, освященных в соборах, церквях и их приделах. «Он был и остается в сущности наибольшим на Руси монастырем», – писал С.П. Бартенев о Московском Кремле [18, с. 135].

Для Федорова Успенский собор – место собирания, объединения под властью царя земель и народов для умиротворения и соборного действия преобразования мира – «рекреатуры». Это значение главного храма России отражается, по мнению Федорова, в чине венчания на царство и в древнем обычае прочтения царского титула «в храме собирания русской земли, Успенском соборе, и в областных соборах накануне Рождества И. Христа, пришедшего водворить мир на всей земле»¹⁶. Образ собора как шествия к воскресению определял истолкование Федоровым обряда венчания на царство, воспринимаемого нераздельно от литургии, после которой царь и сопровождающие его лица следовали в Архангельский собор на поклонение гробам предков. Хождение в царский некрополь вступающего на престол монарха определялось чином венчания на царство. Значение и цель этого обряда виделись в молитвенных

¹⁴ См. об этом: Мартынова М.В. Крест Животворящего Древа в иконе – ковчеге // Венчания на царство и коронации в Московском Кремле. Ч. I. XVI–XVII вв. М.: Музеи Московского Кремля, 2013. С. 52 [15].

¹⁵ См., например: Федоров Н.Ф. Поющая башня Кремля // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновы. М.: Традиция, 1997. С. 101–102 [17].

¹⁶ См.: Федоров Н.Ф. Самодержавие // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 3.

просьбах благополучия царствования¹⁷. Историк церкви А.В. Горский писал, что, «прощаясь у гробов» царственных предков своих, видели они и «конец престающего (2 Кор. 3, 13)»¹⁸. Для Федорова поклонение гробам предков в Архангельском соборе представлялось не напоминанием о тленности и преходящей славе земной, а знаком, как и акакия, «к земле, к праху отцов возвращения и будущего этого праха оживления»¹⁹. Такая трактовка исходила из главной идеи учения супраморализма. Вместе с тем есть основания полагать, что Федоров видел историческую преемственность традиций, идущих от Византии, в почитании Архангела Михаила как покровителя царской власти. Возможно, что и пространство собора, росписи которого включали цикл «Символ веры» с фрагментом «Чаю воскресения мертвых» (Западная стена. Фреска. 1652–1666 гг.), а также надгробные иконостасы с патрональными иконами были наглядными образами, обращающими к теме воскресения, и воспринимались мыслителем как выражение в «искусстве подобию» веры в воскресительное дело «искусства действительности». В сочинениях Федорова, содержащих описания проектов росписи храмов, прочитываются образы Кремля, темы и сюжеты росписей кремлевских соборов, включенные в живописную программу проекта построения храма-музея Троицы при Московском публичном и Румянцевском музеях. Так, изображение пасхального крестного хода в Кремле видится Федорову центром композиции наружной фрески южной стены «музейского храма».²⁰

В триедином храмовом пространстве Соборной площади Благовещенский собор занимал особое место. Сюда из Архангельского собора, согласно чину венчания, шествовал царь на поклонение «царской святости». В ризнице и царской казне собора хранилось множество мощей вселенских и русских святых, родовые святыни великокняжеского, а затем царского дома: панагии, наперстные кресты, особо чтимые иконы – главная святыня Благовещенского собора чудотворная «Богоматерь Умиление Донская» (последняя четверть XIV в., ГТГ) и запрестольная икона «Богоматерь Одигитрия Пименовская (последняя четверть XIV в., ГТГ)²¹. Сакральный характер царской власти как хранительницы православной веры выражали величественные росписи паперти

¹⁷ См. об этом: Баталов А.Л. Архангельский собор в контексте учения о власти русских государей // Архангельский собор. К 500-летию Архангельского собора Московского Кремля. М.: Изд-во «Пинакотека», 2008. С. 170 [19].

¹⁸ См.: Горский А.В. О священнодействии венчания и помазания царей на царство. С. 31.

¹⁹ См.: Федоров Н.Ф. Пасха в Кремле с коронацией // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновы. М.: Традиция, 1997. С. 85 [20].

²⁰ См., например: Федоров Н.Ф. Роспись наружных стен храма... // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновы. М.: Традиция, 1997. С. 469 [21].

²¹ См.: Щенникова Л.А. Чтимые иконы и их драгоценные украшения. Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле. М.: Изд. дом Максима Светланова, 2003. С. 79 [22].

собора, на сводах которого были помещены многофигурное «Древо Иессеево» (1520 г.) и «Собор апостолов». Объединением этих двух сюжетов «подчеркивалась параллель между богоизбранным родом Иессея и династией московских князей»²². Существенное место в росписи Благовещенского собора занимает фреска «Апокалипсис», в иконографии которой прослеживается связь с композицией прославленной иконы Успенского собора²³.

Живописное выражение апокалиптических пророчеств, образа родства, единства и близости людей с их небесными покровителями, иконостас с деисусом – все эти и другие сюжеты были близки Федорову и вдохновляли мыслителя на описание проектов храмовых росписей, наглядно выражающих идею «общего дела» в его статье «Внутренняя роспись храма», излагающей программу росписи храма-музея, посвященного памяти императора Александра III. Федоров воспринимал Московский Кремль как целостный образ, как священное пространство, подобие Иерусалима или Царьграда. Кремль, являющийся по замыслу его создателей пространственной иконой и земным воплощением Небесного града, содержал в своей структуре множество проектов, реконструкция и понимание которых, как отмечает А.М. Лидов, может основываться на архетипе сакрального пространства – образе Небесного Иерусалима²⁴.

Такое основание для истолкования пространства Московского Кремля характерно и для Федорова, но в его проекте иконический образ Кремля мыслится сакральным центром, объединяющим и преобразующим человечество. В его трактовке эстетика пространства чина венчания на царство определяется эстетикой литургии, символизмом, красотой и архитектурной священнодействителем. Именно эта интерпретация просматривается в хронотопе коронационного ритуала, время которого проектом эстетического супраморализма погружено в православный годовой круг. Главное событие жизни империи – венчание на царство. Оно должно происходить, согласно федоровскому проекту, в дни главного праздника православных христиан – в день Святой Пасхи. Он писал: «Коронация в день Пасхи в *Кремле 3-го Рима*, на кладбище собирателей Русской земли, коронация как принятие становящимся в отцов место долга воскрешения (т.е. долга восприимчивости и долга душеприказчества) раскрывала бы истинное значение и назначение Царской власти как поставляемой *в праотца место...*» [20, с. 85]. В этом движении к истории как проекту самодержец,

²² См. об этом: Качалова И.Я. Царский храм // Царский храм. Святые Благовещенского собора в Кремле. М.: Изд. дом Максима Светланова, 2003. С. 13 [23].

²³ См.: Качалова И.Я. Апокалипсис в стенописи Благовещенского собора // Благовещенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М.: Изд-во «Прогресс», 1999. С. 51 [24].

²⁴ См.: Лидов А.М. О константинопольском прототипе царского храма // Царский храм. Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры. Материалы и исследования. Вып. XIX. М.: ИПП «Куна», 2008. С. 7–42 [25].

по мысли Федорова, ведет народы, а обряд венчания на царство является сакральным и эстетически выразительным образом, указывающим на цель пути.

Трактовка Н.Ф. Федоровым обряда венчания на царство отражает характерные черты его проективной религиозной эстетики, основывающейся на принципах христианского универсализма. Обращение к истокам и содержанию ритуала венчания на царство представлялось создателю учения супраморализма способом обоснования предназначения самодержавной власти. Тема власти и содержание ритуала в проекции на его идеи всеобщего синтеза отражали дух эпохи и остались важной составляющей пророческого проекта Федорова, значимого для истории русской культуры.

Список литературы

1. Пятницкий П.П. Сказание о венчании на царство Русских Царей и императоров / сост. П.П. Пятницкий. М.: Типо-литография О.И. Лашкевич и К, 1896. 108 с.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. 2 изд. Paris: YMCA-press, 1989. 476 с.
3. Зинковский С.А. (Мефодий, иером.). Кенотичность как ипостасное или личностное свойство // Актуальные вопросы церковной науки: научный журнал. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2019. № 2. С. 218–227.
4. Федоров Н.Ф. Самодержавие // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновы. М.: Прогресс, 1995. С. 3–38.
5. Острогорский Г.А. Византийский император и иерархическое мироустройство // Русско-Византийский вестник. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2018. № 1. С. 16–25.
6. Бартечев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Т. 2 / сост. С.П. Бартечев. М.: Русский импульс, 2011. 344 с.
7. Горский А.В. О священнодействии венчания и помазания царей на царство. М., 1882. 35 с.
8. История Российской монархии. Венчание на царство. Коронационный ритуал. М.: Эксмо, 2011. 512 с.
9. Русский временник, сиречь Летописец, содержащий российскую историю от 862 до 1681 лета. Ч. I. М.: Синодальная типография, 1820. 363 с.
10. Труды Блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. М.: Типография Т-ва Рябушинских, 1916. 480 с.
11. Попов К.М. Чин священного коронования. Исторический очерк образования чина // Богословский вестник. Сергиев Посад: Московская Духовная Академия, 1896. С. 57–72.
12. Белозерская Н.А. Царское венчание в России. Исторический очерк. СПб., 1896. 92 с.
13. Федоров Н.Ф. Дополнение к статье «Музей» // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновы. М.: Прогресс, 1995. С. 430–437.
14. Федоров Н.Ф. К предстоящей коронации // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновы. М.: Традиция, 1997. С. 155–158.
15. Мартынова М.В. Крест Животворящего Древа в иконе – ковчеге // Венчания на царство и коронации в Московском Кремле. Ч. I. XVI–XVII вв. М.: Музеи Московского Кремля, 2013. С. 52–53.
16. Федоров Н.Ф. Внутренняя роспись храма // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновы. М.: Традиция, 1997. С. 473–480.
17. Федоров Н.Ф. Поющая башня Кремля // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семеновы. М.: Традиция, 1997. С. 101–102.
18. Бартечев С.П. Московский Кремль в старину и теперь. Т. 1 / сост. С.П. Бартечев. М.: Русский импульс, 2011. 259 с.

19. Баталов А.Л. Архангельский собор в контексте учения о власти русских государей // Архангельский собор. К 500-летию Архангельского собора Московского Кремля. М.: Изд-во «Пинакотека», 2008. С. 161–180.
20. Федоров Н.Ф. Пасха в Кремле с коронацией // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семенов. М.: Традиция, 1997. С. 85–86.
21. Федоров Н.Ф. Роспись наружных стен храма... // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой и С.Г. Семенов. М.: Традиция, 1997. С. 457–473.
22. Щенникова Л.А. Чтимые иконы и их драгоценные украшения // Царский храм. Святые Благовещенского собора в Кремле. М.: Изд. дом Максима Светланова, 2003. С. 79–83.
23. Качалова И.Я. Царский храм // Царский храм. Святые Благовещенского собора в Кремле. М.: Изд. дом Максима Светланова, 2003. С. 8–23.
24. Качалова И.Я. Апокалипсис в стенописи Благовещенского собора // Благовещенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М.: Изд-во «Прогресс», 1999. С. 30–53.
25. Лидов А.М. О константинопольском прототипе царского храма // Царский храм. Благовещенский собор Московского Кремля в истории русской культуры. Материалы и исследования. Вып. XIX. М.: ИПП «Куна», 2008. С. 7–42.

References

1. Pyatnitskiy, P.P. *Skazanie o venchanii na tsarstvo Russkikh Tsarey i imperatorov* [Story About Crowning of the Russian Tsars and Emperors]. Moscow: Tipo-litografiya O.I. Lashkevich i K, 1896. 108 p.
2. Zen'kovskiy, V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Paris: YMCA-press, 1989. 476 p.
3. Zinkovskiy, S.A. (Mefodiy, ierom.). Kenotichnost' kak ipostasnoe ili lichnostnoe svoystvo [Kenoticity as Hypostatic or Personal Characteristic], in *Aktual'nye voprosy tserkovnoy nauki: nauchnyy zhurnal* [Topical Issues of the Church Science: Science Journal]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii, 2019, no. 2, pp. 218–227.
4. Fedorov, N.F. Samoderzhavie [Monarchy], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 2* [Collected Works in 4 vol., vol. 2]. Moscow: Progress, 1995, pp. 3–38.
5. Ostrogorskiy, G.A. Vizantiyskiy imperator i ierarkhicheskoe miroustroystvo [Byzantine Emperor and Hierarchic World Order], in *Russko-Vizantiyskiy vestnik* [Russian-Byzantine Herald]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy Akademii, 2018, no. 1, pp. 16–25.
6. Bartenev, S.P. *Moskovskiy Kreml' v starinu i teper'. T. 2* [Moscow Kremlin in the Old Day and Now. Vol. 2]. Moscow: Russkiy impul's, 2011. 344 p.
7. Gorskii, A.V. *O svyashchennodeystvii venchaniya i pomazaniya tsarey na tsarstvo* [About the Sacred Crowning and Anointing of the Tsars]. Moscow, 1882. 35 p.
8. *Istoriya Rossiyskoy monarkhii. Venchanie na tsarstvo. Koronatsionnyy ritual* [History of Russian Monarchy. Crowning of the Tsars. Constitutional Ritual]. Moscow: Eksmo, 2011. 512 p.
9. *Russkiy vremennik, sirech' Letopisets, sodержashchiy rossiyskuyu istoriyu ot 862 do 1681 leta. Ch. 1* [Russian Chronicle, in Other Words Memorial About Russian History from 862 to 1681 Years. Part 1]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1820. 363 p.
10. *Trudy Blazhennogo Simeona, arkhiepiskopa Fessalonikiyskogo* [Works of the Blessed Simeon, Archbishop of Thessalonica]. Moscow: Tipografiya Tovarishchestva Ryabushinskiykh, 1916. 480 p.
11. Popov, K.M. Chin svyashchennogo koronovaniya. Istoricheskiy ocherk obrazovaniya china [Ceremony of the Sacred Coronation. Historical Essay About the Ceremony Formation], in *Bogoslovskiy vestnik* [Bogoslov Herald]. Sergiev Posad: Moskovskaya Dukhovnaya Akademiya, 1896, pp. 57–72.
12. Belozerskaya, N.A. *Tsarskoe venchanie v Rossii. Istoricheskiy ocherk* [Tsar's Crowning in Russia. Historical Essay]. Saint-Petersburg, 1896. 92 p.

13. Fedorov, N.F. Dopolnenie k stat'e «Muzei» [Addition to the Article «Museum»], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 2* [Collected Works in 4 vol., vol. 2]. Moscow: Progress, 1995, pp. 430–437.
14. Fedorov, N.F. K predstoyashchey koronatsii [For the Forthcoming Coronation], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected Works in 4 vol., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 155–158.
15. Martynova, M.V. Krest Zhivotvoryashchego Dreva v ikone – kovchege [Life-Giving Tree Cross in an Icon – Reliquary], in *Venchaniya na tsarstvo i koronatsii v Moskovskom Kremlе. Ch. I. XVI–XVII vv.* [Crownings of the Tsars and Coronations in Moscow Kremlin. Part I. XVI–XVII Centuries]. Moscow: Muzei Moskovskogo Kremlya, 2013, pp. 52–53.
16. Fedorov, N.F. Vnutrennyaya rospis' khrama [Inner Wall Paintings of the Church], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected Works in 4 vol., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 473–480.
17. Fedorov, N.F. Poyushchaya bashnya Kremlya [Singing Tower of Kremlin], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected Works in 4 vol., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 101–102.
18. Bartenev, S.P. *Moskovskiy Kreml' v starinu i teper'. T. 1* [Moscow Kremlin in the Old Days and Now. Vol. 1]. Moscow: Russkiy impul's, 2011. 259 p.
19. Batalov, A.L. Arkhangel'skiy sobor v kontekste ucheniya o vlasti russkikh gosudarey [Cathedral of the Archangel in the Context of a Study About the Power of Russian Tsars], in *Arkhangel'skiy sobor. K 500-letiyu Arkhangel'skogo sobora Moskovskogo Kremlya* [Cathedral of the Archangel. To the 500th Anniversary of the Archangel Cathedral of Moscow Kremlin]. Moscow: Izdatel'stvo «Pinakoteka», 2008, pp. 161–180.
20. Fedorov, N.F. Paskha v Kremlе s koronatsieyu [Easter in Kremlin with Coronation], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected Works in 4 vol., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 85–86.
21. Fedorov, N.F. Rospis' naruzhnykh sten khrama... [About the External Walls Paintings...], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [Collected Works in 4 vol., vol. 3]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 457–473.
22. Shchennikova, L.A. Chtimye ikony i ikh dragotsennye ukrasheniya [Sacred Icons and Their Precious Decorations], in *Tsarskiy khram. Svyatyni Blagoveshchenskogo sobora v Kremlе* [Tsar's Cathedral. Sanctuaries of the Cathedral of the Annunciation in Kremlin]. Moscow: Izdatel'skiy dom Maksima Svetlanova, 2003, pp. 79–83.
23. Kachalova, I. Ya. Tsarskiy khram [Tsar's Cathedral], in *Tsarskiy khram. Svyatyni Blagoveshchenskogo sobora v Kremlе* [Tsar's Cathedral. Sanctuaries of the Cathedral of the Annunciation in Kremlin]. Moscow: Izdatel'skiy dom Maksima Svetlanova, 2003, pp. 8–23.
24. Kachalova, I.Ya. Apokalipsis v stenopisi Blagoveshchenskogo sobora [Apocalypses in the Wall Paintings of the Cathedral of the Annunciation], in *Blagoveshchenskiy sobor Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya* [Cathedral of the Annunciation in Moscow Kremlin. Materials and Research]. Moscow: Izdatel'stvo «Progress», 1999, pp. 30–53.
25. Lidov, A.M. O konstantinopol'skom prototipe tsarskogo khrama [About Constantinople Prototype of the Tsar's Cathedral], in *Tsarskiy khram. Blagoveshchenskiy sobor Moskovskogo Kremlya v istorii russkoy kul'tury. Materialy i issledovaniya. Vyp. XIX* [Tsar's Cathedral. Cathedral of the Annunciation in Moscow Kremlin in History of Russian Culture. Materials and Research. Edition XIX]. Moscow: IPP «Kuna», 2008, pp. 7–42.